

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАЕВ

УДК 234.9

к. ист. н., старший научный сотрудник,
 Санкт-Петербургский институт истории РАН
 (Петрозаводская ул., д. 7, Санкт-Петербург, Россия, 197110)
isayevsviir@yandex.ru

Свобода: ПОНЯТИЕ И ЕЕ ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Свобода определяется как ситуация, в которой оказывается человек, обязанный или имеющий возможность выбирать между несколькими опциями поведения или действия. Если у такого человека нет оснований опасаться гибели или наказания за выбор в пользу определенной опции, так что в выборе он может следовать своим наклонностям, то в такой ситуации он свободен выбирать между этими опциями. Всякая настоящая свобода ограничена, следовательно всякая свобода может быть описана в соответствии с заложенными в нее ограничениями. Автор рассматривает три их разновидности: внешние, внутренние и самоограничения. Далее рассматривается связь между свободой и знанием: знанием о каждой из опций, а также знанием об угрозах, в случае если человек выйдет за пределы свободы. Автор соглашается с понятием «свобода от», но отвергает правомерность существования понятия «свобода для».

Ключевые слова: грех, детерминизм, лютеранство, марксизм, ограничения свободы, ответственность, права человека, рабство воли, свобода, этика

SERGEI ALEKSANDROVICH ISAEV

PhD in History, senior scientific researcher,
Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
(Petrozavodskaya str., bld. 7, Saint Petersburg, Russia, 197110)

isayevsviir@yandex.ru

FREEDOM AS CONCEPT, AND ITS SUPPOSED PARAMETERS

Freedom is defined as a situation in which a person ought to choose between options: how to behave, or what to do. If a person doesn't have grounds for dread to perish or to be punished for choosing certain option, and so he or she can follow the inclinations, so the person has freedom as applied for this situation and for those options. Every genuine freedom is limited, so every freedom can be described according to its intrinsic limitations. The author considers external, and internal limitations, and self-restrictions. Next item is connection between freedom and knowledge: knowledge on every option, and knowledge on impending threat if limits be transgressed. The author agrees with concept of «freedom from», but rejects the concept of «freedom for».

Key words: bondage of will, determinism, ethics, freedom, human rights, Lutheranism, Marxism, responsibility, restrictions of freedom, sin

Понятие «свобода» — одно из наиболее часто употребляемых в России при обсуждении почти любых социальных, политических, религиозных, этических проблем. Основное применяемое в России уголовное наказание называется «лишение свободы», а глава 2 Конституции России — «Права и свободы человека и гражданина». Следовательно, для всех нас, как граждан России, важно, чтобы понимание термина «свобода» в публичном дискурсе было единообразным. Тогда как для каждого христианина значим призыв апостола Павла: «Итак стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5:1).

Определение понятия «свобода». Авторитетное и обязательное для всех носителей русского языка определение понятия «свобода» вправе дать только Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Я же, как историк и христианин лютеранского вероисповедания, наблюдаю за тем, как используется это слово, нахожу в употреблении его некоторые проблемы и неувязки и высказываю свои предложения, как их устранить. Дальнейшее от меня не зависит. Читатели сами решат, следовать моим рекомендациям или проигнорировать их. «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется».

Я предлагаю следующее определение свободы¹:

Свобода — это такая *ситуация*, в которой находится *субъект*, имеющий возможность (а нередко и вынужденный) делать *выбор* между *вариантами*, как себя вести или что делать. При этом, если субъект имеет возможность выбирать между разными опциями поведения или действия, и за тот или иной выбор из числа этих вариантов у него нет оснований опасаться наказания или несчастья, так что он может в своем выборе следовать собственным наклонностям и вкусам, то в

¹ Укажу на авторов, которым я обязан более чем другим. Джон Уинтроп (Winthrop, 1588–1649) — кальвинистский теолог, губернатор колонии Массачусетс — определил свободу как «возможность делать без страха то, что справедливо и хорошо». Алексис де Токвиль в знаменитом трактате «О демократии в Америке» (1835), процитировав это определение, назвал его «прекрасным» (belle): *Tocqueville A. Oeuvres complètes / Ed. de J. P. Mayer. Paris, 1951. P. 57.*

таком случае у него есть *свобода применительно к этой ситуации и применительно к этим опциям.*

Когда речь идет о свободе человека (а не о свободах как юридической норме, запрещающей властям регламентировать активную деятельность людей, составляющих социум) в обозначенных сферах (научных исследованиях, религии, культурном творчестве, политике и др.), понятие свобода практически равнозначно понятию «свобода воли». Ибо *воля* — единственный инструмент, которым человек осуществляет свой выбор: поэтому в среде юристов употребительно слово «волеизъявление».

Без субъекта — под таковым имеется в виду тот, кто, в силу внутренне присущих ему качеств, способен делать волевой выбор — о свободе говорить нет смысла (хотя и допустимо говорить о каком-то неодушевленном предмете, что он находится в состоянии *свободного* падения).

Понятие «свобода воли» в лютеранских вероисповедных документах. Лютеранское вероисповедание дает ясный и прямой (но непростой) ответ на вопрос, обладает ли всякий человек свободой воли. Аугсбургское исповедание, статья XVIII, учит, что воля человека в *одних аспектах свободна*, в *других же аспектах не свободна*, т. е. «*порабощена*». А именно — *воля человека свободна*, когда надо «делать выбор меж тех вещей, которые рассудком постижимы». Если выбор сделан правильный, то человек способен «вести жизнь внешне добропорядочную», благодаря именно акту своей свободной воли. Такого акта в принципе достаточно, хотя по факту Божье воздействие присутствует и в нем: даже и такого скромного блага «без Бога не бывает и не пребывает, но все — от Него и чрез Него». *Воля человека порабощена* в ситуациях, когда человек находится, например, в следующих состояниях: он «верит в Бога»; он «сделался угоден Богу»; он «боится Бога сердцем»; у него исчезли из сердца «врожденные злые вождения». Такие *состояния* человека не могут быть результатом сознательных и осмысленных актов его собственной *воли*. Такие состояния возможны только тогда, когда на природу и на «природную волю» этого человека действуют Святой

Дух и Божья благодать, причем обычный канал такого воздействия — Слово Божье². Воля человека — не фактор, действующий в процессе обретения веры, а арена, где осуществляется взаимодействие Божьей благодати с природой этого человека.

Формула Согласия, статья II («О свободной воле»), содержит более развернутое учение о воле человека после грехопадения, но до возрождения, т. е. во время обычной жизни на грешной земле. Речь идет главным образом о тех аспектах, в которых *человеческая воля порабощена*. «В сколь малой мере мертвое тело способно оживить само себя к земной телесной жизни, в столь же малой мере способен человек, духовно мертвый из-за греха, воздвигнуть сам себя к духовной жизни» (Eritome, Affirmativa 2): всякое обращение человека в веру в Бога следует считать результатом внешнего воздействия на волю человека благодати Св. Духа. Но наличие свободы воли и этот вероисповедный документ энергично подтверждает: Формула Согласия отвергает и осуждает «нижеследующие заблуждения: Иллюзии философов, которых называли стоиками, а также манихеев, учивших, что будто все происходящее именно так и должно происходить, и ничего иного произойти не может, и будто все совершаемое человеком во внешних делах вершится им по принуждению, и будто он понуждается к недобрым поступкам и делам, как-то: к распутству, разбою, убийствам, воровству и прочему тому подобному» (Negativa 1)³.

Может ли свобода совершать некоторые грехи быть христианской свободой?

Понятие «грех» употребляется в России всеми кому не лень, в самом смутном смысле, причем у меня складывается впечатление, что общественное мнение прямо-таки страшится уточнений по этой части. Нам, христианам лютеранского вероисповедания, в этом отношении проще. Есть грехи против 10 Заповедей — против них действует Закон в его первом применении. Есть грехи против Заповедей блаженства и норм жизни в Царствии Небесном — против них действует Закон

² Книга Согласия. Символические книги Евангелическо-Лютеранской церкви / Под ред. М. Сяреля. Lahti, 1999. С. 72–73.

³ Книга Согласия. С. 634–635.

в его втором применении: к этим грехам следует относиться серьезно, надо понимать, что это грехи, в них надо каяться; но *абсолютно запрещается* записывать эти грехи в *уголовное* законодательство и обрушивать на них, то есть на грешника, карающую силу государства. Поэтому свобода *от* уголовного преследования за грехи против Заповедей блаженства (за то, что с вожделием поглядел на красивую девушку или дал сдачи хулигану, не подставив ему другую щеку) — то есть свобода от *уголовного* преследования за совершение *таких* грехов — есть свобода подлинная и экзистенциально позитивная. Всем нормальным людям такая «свобода для греха» нужна. Организация деятельности, направленной на охрану государства и общества, нужна тоже; и законы, ограничивающие свободы (напр., запрещающие езду по встречной полосе), тоже нужны. Но давайте называть это своими именами: повинностями, обязанностями, *ограничениями* свободы.

Свобода и ответственность. Свобода иногда бывает **вынужденной и нежеланной**. Всякая свобода предполагает *ответственность* — ответственность субъекта за *последствия* выбора, который он делает. А поскольку человек обычно осознает эту связь и зачастую вполне осознанно не хочет ни брать на себя труд выбора, ни отвечать за последствия оно-го, вполне возможна ситуация «бегства от свободы», когда человек воспринимает свободу как бремя, навязанное ему: то есть он вовсе не хочет ею пользоваться и предпочел бы, чтобы в данной непонятной ситуации все за него решил кто-нибудь другой. Например, в России в 2010-х гг. пенсионные отчисления состояли из страховой и накопительной частей. Будущим пенсионерам предлагали направить накопительную часть в один из накопительных фондов. Но выяснить мало-мальски достоверно, что эти фонды собой представляли, было практически невозможно. И т. н. «молчуны» не принимали никакого решения — отказывались пользоваться предоставленной свободой. Автомобилист, выбирая маршрут, должен анализировать сведения о дорожной ситуации, но обычно полагается на указания электронного навигатора. Будучи уверен,

что, следуя им, он доедет до нужного места быстрее, он без сожаления отказывается ради этой цели от своей свободы выбора маршрута.

Ограниченность всякой свободы. Свобода «от». Упоминание о том, что свобода представляет собой выбор из какого-то, хотя бы и большого, но ограниченного количества опций, означает, что *всякая свобода бывает ограниченной*. Следовательно, нет никакого противоречия в утверждении, что описываемая свобода *ограничена* какими-то *пределами*. Хотя от наиболее рьяных приверженцев либерализма можно услышать заявления, что обсуждаемая свобода, мол, не настоящая, *потому что ограничена* тем-то и тем-то, принимать их всерьез не следует. Быть ограниченной — это свойство всякой *настоящей* свободы. Неограниченной может быть исключительно свобода, существующая только в фантазии. Далее в этой статье, описывая свободу, я фактически буду описывать исключительно ее многообразные границы. Стоит ли этому удивляться? Нет. Изучая античную или ренессансную статую, мы точно так же исследуем исключительно ее поверхность, то есть границу с внешней средой.

История знает немало случаев, когда обладатель высшей власти в государстве не был связан в своей деятельности никакими конституционными ограничениями. Таковы многие (не все) абсолютные монархи; таким был французский Конвент 1792–1795 гг. и некоторые другие парламенты. Однако про российских монархов не зря сказано, что их власть была «ограничена царубийством». Что касается законодательных собраний, то предположим, что парламент, пользуясь своими широчайшими полномочиями, ввел в действие финансовую схему ради финансирования дорожного строительства в стране на протяжении 10 лет. Что если через 5 лет парламент нового состава захочет изменить эту схему? Если это будет сделано, окажутся урезанными полномочия парламента предыдущего состава. Если это не будет сделано, ограниченность своих полномочий тем самым признает парламент нового состава.

Советская Армия в 1944–1945 гг. освободила страны Восточной Европы от нацистской оккупации, но всем им, кроме Австрии, в дальнейшем были навязаны коммунистические режимы. Свободными по меркам начала XXI в. они не стали, однако можно с полным на то основанием утверждать, что освобождение стран Восточной Европы было *подлинным* освобождением — обретением «свободы *от*»: власти германских и местных нацистов.

Разнообразие ограничений свободы. Анализ свободы усложняется одним важным обстоятельством — *разнообразием ограничений* свободы. Есть ограничения *внешние*; есть ограничения *внутренние*; и есть *самоограничения*, то есть такие ограничения свободы, которые возникают в результате актов *осуществления (реализации) свободы*.

а. Внешние ограничения свободы — это то, что для всех очевидно и обычно нежелательно. Правда, бывает, что какие-то ограничения свободы человеку безразличны. Буйным футбольным фанатам в качестве наказания закрывают доступ на матчи. Если бы такое наказание назначили мне, я бы ничуть не огорчился: я равнодушен к спорту и никогда не хожу на футбол. Иметь же свободу доступа к книгам, которые нужны мне для работы, я очень даже хочу, и ограничения ковидного периода были для меня болезненными. Впрочем, собирается человек в какую-нибудь страну или нет, ему все же приятнее иметь право въезда в эту страну, чем не иметь. Как писал Серен Кьеркегор: «Где найдется вино, такое душистое, пенистое, опьяняющее, как “возможность”?»⁴.

б. Внутренние ограничения свободы. Основным *внутренним* ограничением свободы индивида является *этическое сознание* этого индивида и запреты, которых этот индивид придерживается. Если для совести индивида имеют значение этические запреты, то многие деяния, которые он физически

⁴ Кьеркегор С. Наслаждение и долг / Пер. с дат. П. Г. Ганзена. СПб., 1894. С. 19.

или технически свободен совершить, выпадают из того спектра свободы, какой был бы перед мысленным взором другого индивида — такого индивида, который находился бы в ситуации первого, но не имел бы этического сознания. Безнаказанно украсть, наврать с три короба, иногда даже убить — такие возможности «технически» бывают практически у каждого человека; но многие люди просто брезгают пользоваться такими возможностями. То есть для человека с этическим сознанием выбор в пользу зла (когда доступна и добрая опция) или выбор в пользу большего зла (когда приходится выбирать между двух зол) — это та свобода, от которой он добровольно отказывается. *Технически* у него такая свобода *есть*, *этически* у него такой свободы *нет*.

И тут возникает вопрос: *отказ* человека от такой *технической* свободы ради соблюдения *этических* запретов — это *сам по себе* акт *свободы* или это происходит по необходимости. Отвечаю: в зависимости от особенностей мировоззрения человека, может быть и так, и иначе. Если человек верит в Божье провидение, то он осознает свою деятельность как часть реализации Божьего замысла и заявляет, примерно как Лютер на заседании Вормского рейхстага: «На том стою и не могу иначе». Впрочем, даже если человек не верит в Божье провидение и не думает о нем, однако не может и не хочет — из щепетильности — преступить какой-то запрет, который он, на китайский манер, ощущает как неотъемлемую часть мироустройства, то ему представляется, будто выбирать в данной ситуации ему, собственно говоря, не приходится: есть только один этически допустимый вариант поведения, и он поступает именно по этому варианту. Как в кинофильме «Берегись автомобиля»: в ходе погони Деточкин, за которым гнался милиционер, притормозил перед детьми, переходящими дорогу. Голос диктора комментирует: «Деточкин любил детей. Он не мог поступить иначе». Если же человек не видит никакой детерминированности во всем, что происходит в этом мире, то он всякий раз заново и с замиранием сердца, со всеми естественными переживаниями, должен решать, соблюдать ему этический запрет или преступать, и, например, опцию

убийства старухи-процентщицы рассматривает как вполне серьезный вариант устройства своей дальнейшей жизни. Таким Достоевский рисует Раскольникова: при всех увлечениях «наполеоновскими» идеями, он сохранил православную основу своей личности. Эта основа в финале — на сибирской каторге — должна была, согласно замыслу Достоевского, проявиться ярко. Право, жаль, что замысел так и остался лишь замыслом... От его реализации можно было бы ожидать весьма интересных соображений Федора Михайловича именно о свободе человека.

с. Самоограничение свободы. Немало и таких ситуаций, когда человек *сам* хочет *ограничить* свою *свободу* своими внешними действиями. Когда квартирные телефоны были в обиходе в большей мере, чем сотовые, во многих квартирах у телефона лежала тетрадка, к которой был привязан карандаш. Зачем было этот карандаш привязывать? Чтобы лишить себя одной маленькой свободы: а именно, свободы унести карандаш куда-нибудь туда, где его так сразу не найдешь. Люди жертвовали этой свободой, чтобы обеспечить себе нечто более ценное, чем она: а именно, возможность в ходе телефонного разговора делать необходимые записи.

В советское время поступающие на работу нередко брали на себя неформальное, а иногда и формальное обязательство проработать определенное количество лет, чтобы получить квартиру от производства. И в наше время подписание любого контракта обычно обещает материальные блага, серьезно ограничивая при этом свободу.

Но наиболее выразительная ситуация самоограничения свободы — это «одноразовый» выбор, осуществляемый как свободный: то есть, реализуя свою свободу в акте выбора, мы тем самым отказываемся от этой свободы в дальнейшем. Примеры: вступление в моногамный брак, особенно если, как в некоторых католических странах, развод запрещен; присоединение к религиозной организации, выход из которой уголовно наказуем; присоединение к политической организации,

попытку выхода из которой эта организация карает смертью⁵; выбор языка при покупке высокотехнологичного оборудования.

Свобода как ценность для человека. Свобода — не высшая ценность в жизни. Но тем субъектом, для которого она существует, свобода *изначально* всегда воспринимается как *благо*. Мы не удивляемся, когда читаем в Священном Писании: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17). «А вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам» (Гал 4:26). Потом, уже после зрелого размышления, кое от чего можно и отказаться: например, привязать карандаш к телефону.

Свобода как норма общественной жизни. Индивиду свобода нужна прежде всего, или даже исключительно, в тех сферах, которые ему интересны. Но индивид живет *в обществе* и должен понимать, что людям, с которыми он по жизни взаимодействует, свобода нужна в сферах *их* интересов. Свобода же существует или не существует не для каждого отдельного индивида, а *в том обществе*, в котором эти индивиды живут. Поэтому у индивидов в норме должна существовать *солидарная заинтересованность в свободе* — свободе предпринимательства, в политической свободе, чем бы кто ни занимался. В заинтересованности в свободе судебных прений признавался ап. Павел: он писал правителю Кесарии: «Зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело» (Деян 24:10). У римлян человек, обвиняемый в преступлении, за которое полагается смертная казнь, имеет право видеть своих обвинителей «и получит свободу защищаться от обвинения» (Деян 25:16) — норма по происхождению не христианская, а языческая, но которую Ап. Павел, тем не менее, явно одобряет.

Во многих своих аспектах свобода не осуществима практически никогда. Не бывает *свободы от государства*, как бы ни мечтали анархисты об общественном самоуправлении без государства. Практически не бывает государства без *налогов*:

⁵ Пример такой организации — Фронт национального освобождения Алжира, основанный в 1954 г.

мечта о свободе от налогов реализуется обычно как уголовное преступление. Многие блага доступны людям только благодаря факторам, принуждающим, ограничивающим свободу этих и других людей: благодаря дисциплине, законам, власти. Например, я, человек некурящий, пользуюсь свободой дышать свежим воздухом фактически только там, где курение запрещено.

Свобода и знание. Свобода связана со *знанием*, а именно: со знанием, во-первых, о том, в чем состоит каждая из опций поведения или деяний, между которыми человек может выбрать; и во-вторых, какими последствиями чреват выбор «не той» опции. Предположим, человек заблудился в осеннем лесу в тумане. Есть ли у него компас или навигатор, или же ничего нет, он в обоих случаях формально свободен двигаться в любом направлении. Можно ли сказать, что у человека с компасом или навигатором *свободы больше*, чем у человека без них? Да. Объективно есть одно или несколько направлений движения, выводящих его к людям, тогда как двигаясь в других направлениях, он рискует погибнуть. Имея приборы, человек имеет и возможность выбрать спасительное направление. Без них он будет двигаться вслепую. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», — говорил Иисус иудеям, уверовавшим в Него (Ин 8:32).

Однако именно с этой стороны — со стороны знания — граница между свободой и несвободой выглядит и, наверное, навсегда останется наиболее неопределенной и размытой. Ведь свобода во всех ситуациях предполагает возможность выбора в пользу какого-то *блага*. Ситуация с выходом из болотистого леса сравнительно проста: понятно, что выйти к жилью — благо, а погибнуть заблудившись — беда. Но солдат на войне, менеджер в офисе, политик у власти постоянно оказываются то перед одним, то перед другим выбором между самыми разнообразными опциями. Человеческое же знание о ситуации и ее опциях никогда не бывает полным, всегда — только частичным. Руководствуясь таким ограниченным знанием в своем выборе, человек может выиграть в ближней перспективе, но проиграть в дальней, и наоборот. Ситуация

проигрыша в ближней перспективе, после чего следует выигрыш в дальней, всегда вдохновляла религиозных людей: они видели в своем неожиданном («нечаянном») успехе промысел Божий, который превыше ограниченного человеческого ума и «провинциального» понимания человеком своей свободы.

Представление о существовании неизбежного хода событий, к которому человек должен подстраиваться, если не хочет, чтобы эти события его раздавили, может быть и религиозным, и чисто обывательским, и философским. Ранние христиане считали совершенно нормальным и естественным стремление человека спасти свою душу для вечной жизни в раю и, соответственно, связывали свободу с достижением такой цели. Отдельные христианские мыслители — блаженный Августин, Ф. В. Шеллинг, Н. Я. Данилевский — веря в Божий промысел, усматривали во всей наличной и будущей человеческой истории реализацию Божьего плана, который каждый из этих мыслителей понимал по-своему и пытался описать. Иные цели и перспективы имели в виду создатели детерминистских философских систем: Спиноза, Гегель, Маркс. У Фридриха Энгельса можно найти вполне симпатичное определение (сформулированное как резюме взглядов Гегеля): «Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»⁶. Согласиться с таким определением можно, но прежде чем повторять его от своего имени, стоит подумать над следующими обстоятельствами. Во-первых, под «знанием дела» Энгельс понимал веру в перспективу победы коммунизма: считал, что надо «осуществить такое состояние общества, где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы»⁷. Во-вторых, под «способностью принимать решения» Энгельс подразумевал понимание тактики и стратегии такой революции. И, конечно, он, греша рационализмом, безмерно преувеличивал

⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961. С. 116.

⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. С. 117.

способность пролетарских вождей правильно понять ситуацию — обрести «знание дела».

Детерминизм так и остался константой марксизма в его советском варианте. Даже в знаменитой своим вольнодумством пятитомной «Философской энциклопедии» 1960-х гг. статья «Свобода» начинается следующим определением: «Свобода — осознанная необходимость и действия человека в соответствии со своими знаниями, возможность и способность выбора в своих действиях»⁸. Далее следует длинная цепь оговорок и уточнений, призванных показать, что марксизм-ленинизм какую-то свободу за людьми все-таки признает: «В повседневной практической деятельности люди сталкиваются не с абстрактной необходимостью как таковой, а с ее конкретно-историческим воплощением в виде реально существующих социальных и экономических отношений... Люди не вольны в выборе объективных условий своей деятельности, однако они обладают известной свободой в выборе целей, поскольку в каждый данный момент обычно существует не одна, а несколько реальных возможностей, хотя и с разной долей вероятности» и т. д.

Коллизия свободы воли и детерминизма в акте выбора, который делает индивид. Наконец, мы видим ограничение свободы, когда рассматриваем сам тот субъект, что делает выбор, представляющийся ему свободным. В какой мере этот выбор детерминирован влиянием сил внешних по отношению к его личности? И, следовательно, не является актом свободы воли? Даже носитель власти всегда действует, испытывая давление обстоятельств. На любого человека и на его волю действуют как факторы, о существовании и влиянии которых он знает, так и факторы неясные: внушения от лиц, составляющих окружение; Божья благодать, побуждающая человека относиться к догматам веры как к истинам, а не как к сказкам или всего лишь мнениям. Поэтому в самый момент принятия решения человек обычно неспособен отдать себе ясный отчет

⁸ Араб-Оглы Э. Свобода // Философская Энциклопедия [в 5 томах]. Главный редактор Ф. В. Константинов. Т. 4. М., 1967. С. 559.

в том, в какой мере его решение продиктовано всеми этими влияниями: свободно или детерминировано. По прошествии лет, если он получает новую информацию о ситуации, в которой был сделан выбор, он обычно понимает, что свободы было меньше, а детерминированности больше, чем ему представлялось ранее.

Генерал Войцех Ярузельский в декабре 1981 г. принял решение о введении военного положения в Польше, будучи уверен, что в случае захвата власти «Солидарностью» СССР и страны Варшавского договора введут в Польшу свои войска. Он дожил до времен, когда были раскредены документы Политбюро ЦК КПСС и стало ясно, что СССР вследствие войны в Афганистане не был готов взвалить на себя груз еще одной интервенции. В последние годы жизни Ярузельский в своих интервью говорил, что если бы знал об этом тогда, то не стал бы вводить военное положение. Однако на вопрос, раскаивается ли он сейчас в своих действиях в декабре 1981 г., Ярузельский отвечал отрицательно, указывая, что его решение было адекватно той информации о международной обстановке, какую он располагал в те дни. Не было достаточной информации — не было и свободы; а не было свободы — не может быть и ответственности за выбор, даже обернувшийся пагубными последствиями.

Цена свободы. Важнейшее из ограничений свободы — это *санкции*, то есть кары или неприятности, обрушивающиеся на индивида в случае, если индивид этот выходит за границы своей свободы.

Еще одно обстоятельство, размывающее границы между свободой и несвободой — это эластичность цены вопроса: что если выбор некоторых опций чреват для человека не смертью, а лишь финансовыми потерями или мелкими бытовыми невзгодами, которые он считает, конечно, неприятностями, но мелкими, и готов потерпеть? Можно ли в таком случае считать, что такие опции находились за пределами его свободно-го выбора? По-видимому, придется выделять в такой свободе какие-то степени или градации... Кроме того, есть бесстраш-

ные люди, искренне презирающие смерть. Якобинец Жильбер Ромм, комиссар Конвента, был в июне 1793 г. арестован в Шербурге и направил Конвенту письмо с извещением об этом. Письмо было прочитано в заседании Конвента 14 июня. Депутат Госсюэн предположил, что Ромма *заставили* сделать приписку к этому письму. Жорж Кутон, услышав это, воскликнул: «Ромм оставался бы свободным, даже если бы на него были направлены все пушки Европы!»⁹ Очевидно, степень свободы человека в ситуации выбора обусловлена еще и твердостью характера этого человека, его жертвенностью.

Свобода при единственной опции выбора? Имеет ли смысл говорить о свободе применительно к ситуации, когда нет выбора между опциями, то есть когда опция всего *одна*? Так обстояло дело в советской избирательной системе во времена Л. И. Брежнева, когда голосование в Советы проводилось только по одной кандидатуре кандидата в депутаты. О такой «свободе» в наше время принято говорить иронически. Однако не будем торопиться с выводами. Рассмотрим всем знакомую ситуацию, одинаковую для брежневских времен и нашего времени. В любой электричке каждый вагон оснащен стоп-краном. Любой пассажир имеет возможность остановить электричку, сорвав стоп-кран. Означает ли это, что каждый пассажир свободен решать, ехать электричке дальше или стоять? Нет, конечно. Чтобы остановить электричку, достаточно действия любого пассажира. Но чтобы электричка двинулась дальше, нужно, чтобы такое решение принял машинист и при этом ни один пассажир из числа находящихся в составе не сорвал стоп-кран. У пассажира нет свободы решать, ехать электричке дальше или не ехать. Но свобода в более узких пределах — останавливать электричку, когда она движется, или не останавливать — у него все-таки есть. Даже если опция одна, свобода может состоять в выборе, пользоваться ею или не пользоваться. Вот если даже и такого выбора нет и пользоваться предложенным человек *обязан* (как

⁹ Тарле Е. В. Жерминаль и Прерияль / Сочинения в 12 тт. Т. VI. М., 1959. С. 402, 731–732.

теперь любят говорить, «получает предложение, от которого невозможно отказаться»), тогда о свободе всерьез говорить не приходится.

Свобода «для»: существует ли такая? У нас в России приверженцы марксизма — хотя не только они — любят говорить о «свободе *от*» и о «свободе *для*», указывая именно эти параметры свободы как ее базовые характеристики. Дескать, «свобода от» является негативной в *техническом* смысле этого слова; тогда как «свобода для» является *позитивной* в *техническом* смысле этого слова. Так ли это?

На мой взгляд, первый из этих параметров не только уместен, но и необходим, как ясное указание на реально существующие границы свободы¹⁰.

Со вторым же параметром дело обстоит совершенно иначе. Имеет ли выражение «свобода для» право на существование? На мой взгляд, нет. Если в этом выражении вообще есть какой-то смысл, то смысл этот гораздо лучше передается выражением «*возможность* сделать что-либо». Заменяя формулировку «свобода для» на такую, я умышленно сохраняю в новой формулировке ту же неясность, которая была в старой. А именно: идет ли речь о ситуации, когда некто *обязан* сделать нечто и не вправе отказаться, или же о ситуации, когда он имеет полную возможность сделать это, но имеет точно такую же возможность *и отказаться* от того, чтобы делать это? Тут смысл выражения оказывается затуманен именно в том аспекте, который составляет *специфику* значений слов «свобода» и «свободный».

¹⁰ Его подвергали критике такие оппоненты либерализма, как К. Н. Леонтьев: дескать, либерализм жив одним лишь отрицанием каких-либо ограничений, хотя бы и целесообразных. Но то была полемическая передержка. Если обратить внимание не на технический, а на экзистенциальный смысл, на то, что важно для самого человека, то «свобода от» может быть очень даже *позитивной*. Свобода от долговой кабалы, от насилия со стороны бандитов, от ограничений на выезд из страны, от идеологического диктата является, в экзистенциальном смысле, весьма позитивной для любого человека. Свобода для хамских выходок — позитивная в техническом смысле — является негативной для всех, кто вынужден их терпеть или хотя бы наблюдать.

После того как готы Алариха в августе 410 г. захватили Рим, в Африку среди прочих бежало семейство Анициев. Ирландский монах Пелагий (ок. 360 — после 418 гг.) в 414 г. направил девушке из этого семейства назидательное послание, в котором увещевал ее не думать, «будто человек на самом деле не создан благим, так как он творит также и зло, оттого что сама природа не вынуждает его к необходимости неизменно творить добро... Положение человека лучше и выше... Не было бы никакой добродетели у того, кто пребывает в добре, если бы он не имел возможности перейти на сторону зла... Иначе не по собственному побуждению сотворит он добро, если он не может равным образом избрать также и зло»¹¹.

Блаженный Августин — великий критик Пелагия и связанной с его именем ереси пелагианства — в этом аспекте его учение не оспаривал. В самом деле, и в Библии многократно говорится, что свобода предполагает возможность выбора как в пользу добра, так и в пользу зла. «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» (1 Кор 8:8–9). «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угрождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал 5:13).

Но предположим, что у человека нет возможности выбора в пользу зла: он находится в заключении или в закрытом учебном заведении под строжайшим надзором. Хорошо это или плохо? Свобода это или не свобода? Отвечаю: если этот человек — опасный преступник или отъявленный разгильдяй, то это может быть и хорошо; но это никоим образом не свобода. Это тот аспект жизни, в котором действует *необходимость*.

Так называемая «свобода для» предполагает доступ человека к названному благу, но *не* предполагает для этого человека возможности *отказаться* от оногo. Это не что иное, как *обязанность*. В истории мысли бывали казусы, когда свободу изображали как компонент, встроенный в обязанность:

¹¹ Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 597.

например, рассуждения Гегеля о том, что преступник, которому назначено наказание, имеет право на это наказание¹²; или когда советские пропагандисты конца 1970-х гг., рассуждая о единстве прав и обязанностей, заявляли, что право на труд предполагает обязанность трудиться: советская власть обеспечила вам свободу от безработицы — так извольте устроиться на работу, под страхом наказания за тунеядство. Такого рода использование понятия «свобода» всерьез — словоблудие и профанация, которых следует избегать. Правда, в Библии есть один пример такого словоупотребления. «Так говорит Господь: вы не послушались Меня в том, чтобы каждый объявил свободу брату своему и ближнему своему; за то вот Я, говорит Господь, объявляю вам свободу подвергнуться мечу, моровой язве и голоду, и отдам вас на озлобление во все царства земли» (Иер 34:17). Однако трудно не уловить в данном пассаже мрачной иронии библейского автора. Равно как в пассаже «зеркальном» по смыслу — в словах Ап. Павла: «когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности» (Рим 6:20).

Стремление расширить свободу: его этическое измерение. Заслуживает ли одобрения, с *этической* точки зрения, стремление человека *расширить* свою *свободу*? Ответ: когда как. Стремление расширить свою свободу является для человека *естественным*, но применительно главным образом к тем сферам жизни, к которым привязаны его интересы. Если человек по призванию цветовод, он заинтересован в свободе общения с другими цветоводами из разных стран, в свободе обмена семенами и т. п. Реализация этих его желаний могла бы создать угрозу распространения заболеваний, и карантинные службы эту свободу будут ограничивать. Если человек — профессиональный преступник, он, разумеется, заинтересован в свободе доступа к веществам и орудиям, которые он может использовать в преступном промысле. Если человек — бизнесмен, он заинтересован в разнообразных экономических

¹² «Наказание, карающее преступника,... в качестве справедливого... есть вместе с тем его в себе сущая воля, наличное бытие его свободы, его право» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 147).

свободах. При этом люди практически равнодушны к тем ограничениям свободы, которые затрагивают сферы им не интересные. Поэтому оценка расширения свободы — хорошо это расширение или нет — всецело зависит от оценки деятельности того человека, с чьей свободой это происходит. Расширение свободы цветовода, если оно не привело к занесению в страну заразы, хорошо; расширение свободы вора-рецидивиста — плохо; расширение свободы бизнесмена оценить примерно так же трудно, как полезность его бизнеса.

Марксисты считались с привлекательностью свободы в качестве ценности, а такого общества, где она шире, чем сейчас — в качестве идеала, и включали ее в свою картину светлого будущего. Ф. Энгельс писал: «Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе»¹³. Положение со свободой в «эксплуататорских» обществах марксисты рисовали как худое и проблемное, однако обещали, что при будущем коммунизме «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁴.

Но во все времена люди ценили таких мыслителей и государственных мужей, которые *минимизировали* те ограничения свободы, которые налагает государство на своих граждан. Пусть власть, законы и дисциплина будут строги, но ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы держать в узде преступность и поддерживать материальный уровень и стабильность жизни. Видеть такую меру, уметь находить способы совмещения свободы с другими человеческими ценностями — это искусство. И если им владеет политик, имеющий власть или принимающий участие в составлении законов, включая конституции, то такой человек заслуживает восхищения: ибо именно он владеет высочайшим *искусством свободы*.

¹³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961. С. 116.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Изд. 2-е. Т. 4. М., 1961. С. 447.

* * *

В процессе написания этого очерка об аспектах свободы я постоянно обращался к библейским текстам и прямо относившиеся к проблеме высказывания — просто вставлял в свой текст. Однако мест, где речь в Библии идет о свободе, значительно больше. Некоторые из них, лишь конкретизируя, но ни в чем не уточняя положения статьи, загроздили бы мой текст; другие касаются мало кому интересных частных аспектов христианского учения; третьи не очень ясны. Мне показалось все же уместным привести их в качестве приложения.

«Свобода от» — в чисто социальном смысле — фигурирует в Библии многократно: в Ветхом Завете даже чаще, чем в Новом Завете. Речь идет об избавлении от того, чтобы принудительно/обязательно подвергаться чему-то неприятному: рабству, выполнению обременительных обязанностей, страданиям, вообще отягощению.

«Свободен от клятвы» (Быт 24:8 и 41); «Свободен от войны», но год должен увеселять жену (Втор 24:5); Раб свободен от господина (Иов 3:19). Свобода как возможность в юбилей вернуться каждому в свое племя (из рабства) (Лев 25:10). Если еврей тебе, еврею, продается в рабство, то 6 лет можешь пользоваться его трудом, «а в седьмой год отпусти его от себя на свободу; когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего» (Втор 15:13–14): ведь и ты был рабом в Египте, и Господь избавил тебя. Не считай отпуск раба тяжким: «ибо он в шесть лет заработал тебе вдвое против платы наемника» (Втор 15:18). Ап. Павел весьма ценил даже *происхождение* от свободной женщины, а не рабыни: он рассказывает такую притчу: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний

Иерусалим свободен: он — мать всем нам. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. Что же говорит Писание: Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной (Гал 4:22–31)». «Певцы же, главные в поколениях левитских, в комнатах храма свободны были от занятий, потому что день и ночь они обязаны были заниматься искусством своим» (1 Пар 9:33).

Жизнь по совести — необходимая предпосылка подлинной свободы. Фактически это библейское предостережение для миссионеров. «Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное? И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос». Знание — благо *личное*, и совесть — принадлежность *личности*. Пользование чужим знанием как своим, попытка судить свои действия нормами чужой совести разрушительны. «А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа» (1 Кор 8:10–12). Поэтому, переубеждая людей, предлагая им заменить одни нормы поведения на другие, ни в коем случае не следует посягать на их *совесть*, т. е. на сам *принцип*, что *жить надо в соответствии со своими убеждениями*. Если они останутся при своих прежних убеждениях и будут жить в соответствии с ними, это будет злом меньшим по сравнению с такой ситуацией, которая возникнет, если христианская проповедь разрушит их приверженность как не христианскому Закону, так и какому бы то ни было закону вообще, не заменив ее приверженностью Закону христианскому. «И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Кор 8:10–13). И дальше знаменитые слова о свободе: «Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» (1 Кор 9:1).

То есть Христос даровал свободу от ветхозаветных запретов, но если бы те запреты не отменил Сам Бог, то лучше было бы их соблюдать, чем пренебрегать ими.

Ап. Иаков о свободе воли христианина. У апостола Иакова налицо ясное представление, что воля каждого человека свободна соблюдать или не соблюдать 10 Заповедей и человек несет ответственность за соблюдение оных. «Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона. Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы. Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак 2:11–13).

Совесь христианина должна быть связана только Божьими заповедями. Для христианина является нормой игнорировать те запреты, в божественном происхождении или в целесообразности которых он не убедился, хотя бы для окружающих запреты эти и выглядели чем-то обязательным: «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести» (1 Кор 10:25). «Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее». Далее следует разъяснение неизбежного недомыслия: ради чьей совести, неужели своей? Ведь своя совесть за это не осуждает! В самом деле: «Совесь же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?» (1 Кор 10:27–29). Кто судит, из этого отрывка непонятно: то ли личный Бог, то ли безличный Закон. Понятно только, что орудием, *инструментом* суда является совесть человека. И ап. Павел предостерегает от усвоения совестью человека тех норм и запретов, которые выглядят значимыми в глазах других людей, но не имеют основания в Законе. Такие запреты не должны отягощать совесть христианина. Другое дело, что такие запреты все же должны *влиять* на поведение христианина-

на: христианин обязан считаться с теми нормами, что заложены в совесть тех, с кем он общается. Очевидно, потому что он не хочет ломать совесть тех, среди кого ведет миссионерскую работу (другими словами, не хотел бы, чтобы они прониклись скептицизмом по отношению ко всяким запретам). Христианин хочет лишь *заменить* в совести своих собеседников некоторые ложные нормы, которым они следуют по совести, другими, христианскими.

Какую свободу подарил своим приверженцам Христос? Вслед за уже цитированным: «Итак стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5:1), апостол поясняет: «Вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал 5:2). Из этого отрывка ясно, что в Библии слово «свобода» не везде означает одно и то же. Оно фигурирует во многих ветхозаветных отрывках, обозначая социальный статус. Нет оснований считать, будто людям ветхозаветную свободу, как определенный социальный статус, даровал именно Христос. Здесь же ясно указывается, что *какую-то* свободу (свободу в каком-то специфическом смысле) дал христианам именно Христос. Это — «свобода *от*»: свобода от обязанности совершать некоторые действия, обязательные согласно Ветхому Завету. Ап. Павел писал об иудеях Иерусалима: «Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезать, а вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Иисусе Христе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас» (Гал 2:2–5).

Свобода связана со спасением как с наивысшим благом. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный

в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор 7:20–23).

Для Нового Завета характерно представление, что знание Божьего промысла и следование ему — это свобода. Апостолы Петр и Иаков в равной мере придерживались таких представлений. Коль скоро насаждение разумного, доброго, вечного означает расширение свободы, то нельзя ли оценить действия цензора, насильственно заставившего безумцев и глупцов молчать, как дело свободы? Как ни удивительно, да! Воля Божия состоит в том, чтобы христиане, «делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободы для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1 Пет 2:15, 16). И сразу далее: «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Пет 2:17). «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне (Рим 8:18–22)». «Кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он. Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии (Иак 1:23–25)».

Свободой может называться и добровольное самопорабощение ради благой и при этом чрезвычайно важной цели: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен

Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1 Кор 9:19–23). Читая такое, нельзя не пожалеть, что нет никаких описаний конкретных ситуаций, и мы можем лишь предположить, как это все выглядело. Свобода может быть таким *благом*, которое можно и нужно *тратить, реализуя*, чтобы за «порабощение», то есть вступление во взаимно обязывающие связи, получить взамен какое-то благо, по ситуации более важное, чем свобода. Такие ситуации были излюбленным предметом размышлений В. В. Розанова.

О различии между свободой в обыденном смысле и свободой, связанной с истинным знанием. Иисус говорил иудеям уверовавшим в Него: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики; и познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделайте свободными? Иисус отвечал им: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете (Ин 8:31–36)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Араб-оглы Э. Свобода // Философская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 4. М., 1967. С. 559–561. Arabogly Je. Svoboda [Freedom] // Filsofskaja jenciklopedija: v 5 t. / Ed. by F. V. Konstantinov. T. 4. Moscow, 1967. S. 559–561.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. Gegel' G. V. F. Filosofija prava [Philosophy of Law]. Moscow, 1990.
3. Киркегор С. Наслаждение и долг / Пер. с дат. П. Г. Ганзен. СПб., 1894. Kirkegor S. Naslazhdenie i dolg [Pleasure and duty] / Per. s dat. P. G. Ganzen. Saint Petersburg, 1894.
4. Книга Согласия: Символические книги Евангелическо-лютеранской церкви / Под ред. М. Сяреля. Лаhti, 1999. Kniga Soglasija: simvolicheskie knigi Evangelicheskio-ljuteranskoj cerkvi [The Book of Consent: Symbolic books of the Evangelical Lutheran Church] / Ed. by M. Syarelya. Lahti, 1999.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Изд. 2-е. Т. 4. М., 1961. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoj partii [Manifesto of the Communist Party] // Marks K., Jengel's F. Soch / 2nd ed. T. 4. Moscow, 1961.
6. Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 594–635. Pelagij. Poslanie k Demetriade [Epistle to the Demetriades] // Jerazm Rotterdamskij. Filosofskie proizvedenija. Moscow, 1986. S. 594–635.
7. Тарле Е. В. Жерминаль и Прериаль // Сочинения: в 12 т. Т. VI. М., 1959. Tarle E. V. Zherminal' i Prerial' [Germinal and Prairie] // Sochinenija: v 12 t. T. VI. Moscow, 1959.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961. Engel's F. Anti-Djuring [Anti-During] // Marks K., Jengel's F. Soch / 2nd ed. T. 20. Moscow, 1961.
9. Tocqueville A. Oeuvres complètes. T. I / Ed. J. P. Mayer. Paris, 1951.